

Ходил Дунаюшко да из Орды в Орду,
Из Орды в Орду да из Земли в Землю;
Пришёл Дунай к королю в Орду.
Уж он три годы служил да во конюшниках,
Уж он друго три служил да он во ключниках,
Уж он третьё три служил да на новых сенях.
Уж уж он день стоит да на новых сенях;
Ночку спит да в новой спалёнки
Он на той кроваточки тесовый,
Он на той периноцки пуховый;
Спит со душенькой с Настасьёй-королевицной.
У того-ли короля да шаховинского
Заводилось пированьицо, почестён пир.
Не зовут Дуная на почестён пир, —
Он походит Дунай да на почестён пир;
Унимат ёго Настасья-королевишна:
«Не ходи, Дунай, да на почестён пир;
Не ровно, Дунаюшко, похвастаёшь,
Не ровно словечико вымолвишь!»
Не слушал Дунай Настасьи-королевишной,
Он походит да Дунай на почестён пир,

Он сядилса Дунай да за средни столы.

Ище вси на пиру да напивалисе,
Ище вси-ты на цосном да пьяныи-веселы,
Ище вси на пиру да приросхвастались:
Иной-тот веть хвастат золотой казной,
А иной-тот веть хвастат добрым конём,
А иной-тот веть хвастат вострым копьём,
А и умной-тот хвастат отцом-матушкой,
Да безумной-тот хвастат молодой жоной,
Неразумной-тот хвастат родимой сестрой.

Тут сидит Дунаюшко, не ест, ни пьёт,

Он не ест, ни пьёт да не кушаёт,

Он ницем Дунай да не похвастаёт.

Тут спроговорил король да шаховинские:

«Уж ты што же, Дунаюшко, не еш, не пьёш,

Ты не еш, не пьёш, не кушаёш?» —

«Ище нецем мне Дунаюшку похвастати:

У м'ня нету Дуная золотой казны,

У м'ня нету Дунаюшка добра коня,

У м'ня нету Дунаюшка востра копья,

У м'ня нету Дуная отца-матушки,

У м'ня нету Дуная молодой жоны,
У м'ня нету Дуная родимой сёстры.
Уж я столько Дунаюшко похвастаю:
Я ходил-гулял да из Орды в Орду,
Из Орды в Орду да из Земли в Землю;
Я пришол Дунай к королю в Литву;
Уж я три годы служил у вас в конюшниках,
Уж я друго три служил у вас во ключниках,
Уж я третьё три служил да на новых сенях;
Уж я день стою да на новых сенях,
Уж я ноцку да в новой спаленки
Я на той кроватоцки тесовый,
Я на той периноцки пуховый
Сплю со душенькой с Настасьёшкой с королевешной!»

Тут не синёе морё сколыбалосе, —
Королевское сердце розгорелосе.
Тут скрыцал король во первой након:
«Уж вы ой еси, пановьи-улановьи,
Вы такий злы поганый тотарина!
Вы берите Дуная да за белы руки,

Вы ведите Дуная во чисто полё,
Отрубите у Дуная буйну голову!»
Тута брали ёго панови-уланови
И таки злы поганы тотарина,
Поводили Дуная во чисто полё,
Приводили Дуная на широкой двор.
Тут спроговорил Дунай да таково слово:
Уж вы ой еси, панови-уланови,
Вы такие злы поганы тотаряна!
Проводите тут Дуная вдоль по улици!»
Проводили тут Дуная вдоль по улици.
Тут скрыщал Дунай во первой након:
«Ты прости, прости, вольнѣй белой свет!
Прости, душенька Настасья-королевишна!
Приупито было, приуедѣно,
В красни, в хороше да приухожоно,
На белой груди да приулѣжано!»
о первой након Настасьюшка не слышала.
Он скрыщал Дунай да во второй након:
«Ты прости, прости, да вольнѣй белой свет!
Прости, душенька Настасья королевишьна!

Приупито было, приуедёно,
В красни, в хороши да приухожоно,
На белой груди было улёжано!»
Во второй након Настасьюшка услышала,
Бросаласе Настасьюшка по плеч в окно:
«Уж вы ой еси, панови-уланови,
Вы таки злы поганы тотарина!
Вы ведите Дуная на широкой двор,
Вы возьмите со конюшна двора конюха,
Вы сведите ёго да во чисто полё,
Отрубите у ёго да буйну голову!»
Приводили Дуная на широкой двор.
Надавала она злата, много серебра,
Отпустила Дуная на свою волю,
Сама уехала да во чисто полё.